

К ИСТОКАМ РУССКИХ ФАМИЛИЙ С ОСНОВОЙ МАУР-*

В статье рассматривается вопрос о происхождении восточнославянских, в том числе русских, фамилий с основой *Маур-* (*Маур*, *Мауренко*, *Маурин*, *Мауринов*, *Мауров*, *Маурцев* и др.). Автор показывает, что фамилии этого типа не могут восходить ни к женскому календарному имени *Мавра*, как утверждается в популярных ономастических интернет-материалах, ни к гипотетическому имени женского божества из пантеона легендарной мери, как предполагает первый серьезный исследователь вопроса Н. М. Шварев. С опорой на лингвогеографические данные в статье обосновывается гипотеза, согласно которой антропонимическая основа *Маур-* является адаптированным вариантом исходной украинской основы *Магур-*, звучавшей в реальном произношении как [мауур-]: на территории *з-*кающих говоров, т. е. в центральных и северных древнерусских землях, в силу диерезы артикуляционно слабого [у] у этой основы появился вариант *Маур-*, к которому и восходят рассматриваемые фамилии. С исторических позиций это обосновывается тем, что в древнерусскую эпоху население нынешних украинских земель неоднократно мигрировало далеко на восток, в современную Центральную Россию, спасаясь от половецких набегов, монгольского нашествия, голода и политической нестабильности. Анализируя картину распространения украинских фамилий на *Магур-*, автор приходит к мысли о том, что первоначально они возникли на крайнем западе Украины, на территории Украинских Карпат, где известны три горные вершины под названием *Магура*: вполне естественно, что образовавшиеся от этих оронимов прозвища карпатских жителей со временем были оформлены восточнославянскими патронимическими суффиксами (*Магуренко*, *Магурияк*

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

и т. п.). При этом не исключается, что некоторые носители прозвищ с основой *Магур*- могли быть переселенцами из Северной Румынии и Молдавии, на территории которых также есть несколько горных областей под названием *Магура* (рум., молд. *Măgură*).

К л ю ч е в ы е с л о в а: русские фамилии, украинские фамилии, древняя Ростовская земля, исторические мерянские земли, Южная Русь, Восточная Европа, топонимия, прецедентные названия.

Введение

В начале 2019 г. в журнале «Вопросы ономастики» была опубликована статья независимого исследователя из Санкт-Петербурга Н. М. Шварева, посвященная русским именам собственным с основой *Маур*- (фамилия *Маурин*, многочисленные ойконимы *Маурино* и т. п.) [Шварев, 2019]. В числе научных выводов этой работы хотелось бы особо отметить два положения.

Во-первых, как убедительно показано Н. М. Шваревым, русские именованья с основой *Маур*- невозможно считать вариантами антропонимов и ойконимов на *Мавр*- (*Маврин*, *Маврино* и т. п.), восходящих к женскому календарному имени *Мавра*¹. Сразу отметим, что это определяется не только лингвогеографическими, как у Н. М. Шварева, но и собственно лингвистическими аргументами: даже в том случае, если в русских диалектах имя *Мавра* произносилось с неслоговым *ў* (*Маўра*), у этой формы — в силу ударения на первом слоге — не было шансов сохраниться в сотнях именовании в виде *Маўра* с полноценным слоговым ударным *у*.

Во-вторых, согласно результатам проведенного Н. М. Шваревым картографирования, наиболее плотный ареал русских онимов на *Маур*- локализован на территории исторических мерянских земель (ИМЗ)², или древней «Ростовской земли». По мнению исследователя, из этого «центра» антропонимы на *Маур*- распространились по России в результате миграций населения Ростовской земли на север и северо-восток. Благодаря картам, которые в высокой степени показательны, былое существование этой миграции не вызывает сомнений.

В то же время заключительная часть работы Н. М. Шварева, в которой предпринимается попытка языковой квалификации основы *Маур*-, представляется нам слабой. В этой части Н. М. Шварев высказывает предположение о том, что антропонимы с основой *Маур*- изначально являлись «субстратными» — соотносимыми с языком мери, а сама эта основа в эпоху ростовской колонизации могла использоваться для обозначения смешанных славяно-мерянских групп. По одной из догадок исследователя, в финно-угорских языках ИМЗ основа *Маур*- была связана с именем какого-то женского божества [Шварев, 2019, 95–96].

¹ Одна из популярных версий «ономастических» интернет-сайтов.

² В самом широком понимании ИМЗ включают современные Владимирскую, Ивановскую, Ярославскую области, восточные районы Московской и Тверской областей, а также западную часть Костромской области [см.: Матвеев, 2015, 35].

К сожалению, в лингвистическом отношении эта догадка не может быть обоснована практически ничем. Она не находит подтверждений в финно-угорской теонимии и мифонимии, да и сама основа **Maur-* (> рус. *Мау́р-*) не соответствует фонетическому строю финно-угорских языков со свойственным им ударением на первом слоге. Если бы у финно-угорского населения ИМЗ было языческое имя с основой **Maur-*, то с учетом позиции ударения и дифтонгического характера гласного эта основа передавалась бы по-русски как **Мавр-* и тем самым совпала бы с русской основой календарного имени *Мавра*³.

Это означает, что русские именованья на *Маур-* необходимо рассмотреть более внимательно, вне заворачивающей «мерянской» географии, т. е. с учетом восточно- и общеславянского, а также инославянского (не только финно-угорского!) ономастического материала. При этом ключевую роль следует отвести антропонимии, поскольку топонимические факты (по крайней мере, в России, где топооснова *Маур-* приурочена главным образом к названиям сел и деревень) вторичны по отношению к антропонимам на *Маур-*.

С этой целью мы провели собственное исследование, добавив к данным Н. М. Шварева значительный корпус интересующих нас антропонимов. В дополнение к сведениям исторических документов и телефонных справочников XX — начала XXI в., которые использовались Н. М. Шваревым, мы собрали более широкие сведения, позволяющие судить о «географии» антропонимов на *Маур-* на территории России, Украины, Белоруссии и ряда других регионов. Кроме того, мы включили в анализируемый материал не только именованья типа *Маурин*, *Маурино*, которые в основном привлечены Н. М. Шваревым, но и антропонимы других структурных типов с данной основой: *Маур*, *Мауренко*, *Мауров*, *Мауринов*, *Маурцев* и др.⁴

Мы солидарны с Н. М. Шваревым в том, что при выяснении происхождения фамилий привлечение современных данных совершенно необходимо. Это обусловлено тем, что, несмотря на миграционные процессы разного времени, укорененность прозвищ и фамилий в той или иной местности, особенно сельской, может сохраняться достаточно долго — тем самым современные и исторические факты состоят в отношениях взаимной верификации, а нередко и взаимодополнения. Мысль эта, впрочем, не нова: по отношению к русским фамилиям ее уже

³ В одной из предшествующих работ нами было высказано предположение о том, что зафиксированная в Архангельском Поморье современная фамилия *Маурин* может быть связана с прибалтийско-финской основой *tauri-* ‘муравей’ [Кабинина, 2012, 126]. С учетом изложенных фонетических аргументов это сопоставление следует признать ошибочным, тем более что прибалтийско-финские лексемы с данной основой являются недавними заимствованиями из германских языков [SSA, 2, 152], тогда как патронимы на *Маур-* фиксируются на севере Архангельской области уже в середине XVI в.

⁴ За пределами исследования мы оставили российские фамилии явно неславянского типа: *Маурах*, *Маурер*, *Маурины*.

довольно давно высказал и подтвердил в собственных исследованиях классик российской ономастики В. А. Никонов [1988; 1993].

Для создания базы современных антропонимов на *Маур*- мы использовали данные, доступные благодаря таким сайтам сети Интернет, которые так или иначе имеют опцию поиска, позволяющую «найти» носителя фамилии с географической привязкой к стране, городу, селу и т. п. В основу поиска лег список из 60 распространенных восточнославянских мужских имен (благодаря самому устройству поисковых систем сети Интернет при этом «высвечивались» и носители интересующих нас фамилий с менее распространенными именами). Наиболее продуктивными в плане такого поиска оказались известные сайты «ВКонтакте» [<https://vk.com>] и «Одноклассники» [<https://ok.ru>], а также сайты, на которых размещены региональные «Книги Памяти» и списки репрессированных.

В итоге мы нашли более тысячи носителей интересующих нас фамилий (в реальности, если учитывать лиц женского пола, детей, а также людей, не пользующихся социальными сетями, это число в несколько раз больше). Все статистические данные, приводящиеся в статье, получены по описанной методике, что далее уже не оговаривается.

1. Антропонимическая основа *Маур*- в пределах России

Если говорить о фамилиях на *Маур*- в пределах современной России, то результаты проведенного нами анализа полностью совпадают с основным наблюдением Н. М. Шварева: наиболее плотный ареал антропонимов на *Маур*- локализован в Центральной России: в Ивановской, Ярославской, Владимирской и Костромской областях. На этой территории отмечено 80 носителей фамилий на *Маур*- (*Маур*, *Маурин*, *Мауров*, *Маурцев*; исторически также *Мауринов*)⁵.

На втором месте по их количеству (67) — российский Северо-Запад, что тоже согласуется с данными Н. М. Шварева и его гипотезой об исторических миграциях населения из Ростовской земли на север, где *Маурины* документально фиксируются уже с конца XV в. [см.: Шварев, 2019, 80] (ныне здесь известны также фамилии *Маур*, *Мауринов*, *Мауров*, *Маурцев*).

Третье место занимает не Приволжье, как можно было бы ожидать⁶, а южные области России, граничащие с Украиной: в этой пограничной полосе обнаруживается 32 носителя фамилий на *Маур*- (*Маур*, *Маурин*, *Мауров*). Однако юг России привлекает внимание не только этой цифрой, но и тем, что здесь «вперемешку» с *Маур*, *Маурин*, *Мауров* широко бытуют фамилии *Магур*, *Магури*, *Магуров*,

⁵ Опасаясь искажения картины, обусловленного многовековым усиленным притоком самого разного населения в столицу, мы не включили в это число данные по Москве (32) и Московской области (20).

⁶ Приволжская «ветка» миграций — от Волгоградской области до Татарстана — также прослеживается, однако она относительно слабая (19 фамилий на *Маур*-).

а также равноосновные фамилии украинского / белорусского типов: *Магура*, *Магуран*, *Магурчак*, *Магурский*, *Магурьян* (77 носителей).

В гипотезу Н. М. Шварева названные обстоятельства уже не укладываются — иначе приходится предполагать, что славяно-мерянское население мигрировало из Ростовской земли не только на север, но и на юг, что противоречит всем имеющимся историческим данным. Из истории, начиная с исследований В. Н. Татищева, известно как раз обратное: жители Южной Руси с давних времен переселялись в нынешние центральные, а затем и северные земли, ища спасения от половецких набегов, монгольского нашествия, голода, политической нестабильности и т. д. [см.: Татищев, 3, 44; см. также: Толочко, 2015; и др.].

Это означает, во-первых, что онимы на *Маур-* возникли не в древней Ростовской земле, а значительно южнее; соответственно, мерянской и вообще финно-угорской по происхождению основа *Маур-* быть не может. Во-вторых, южнорусские факты свидетельствуют о том, что форма *Маур-*, скорее всего, в т о р и ч н а по отношению к *Магур-*.

Как нам представляется, главную роль в фонетической трансформации *Магур-* > *Маур-* сыграл характерный для южных говоров России фрикативный [ɣ]. В реальном южнорусском произношении основа звучала и до сих пор звучит как [мау́р] — вполне естественно, что в зоне ɣ-кающих говоров она отражалась в письменных источниках либо в виде *Магур-*, если писцу было привычно южнорусское произношение, либо в виде *Маур-*, если составитель документа был «неместным» и пропускал при письменной передаче неизвестного имени чуждый своему слуху и при этом артикуляционно слабый фрикативный [ɣ]⁷. Именно отсюда, на наш взгляд, происходит исторически закрепившееся варьирование *Магур-/Маур-* на южнорусских территориях (со значительным перевесом формы *Магур-*), и отсюда же — колоссальный перевес фонетической формы *Маур-* в других, ɔ-кающих, регионах Европейской России (ср., например, совместные данные по Ярославской и Владимирской областям: всего три носителя фамилий на *Магур-* и 33 — на *Маур-*).

Прочие сведения по России мы не приводим, поскольку понятно, что распространение фамилий на *Маур-* и *Магур-* к востоку от центральных земель, Северо-Запада и Приволжья было сравнительно поздним процессом⁸. Гораздо

⁷ В интервокальной позиции диерезе может подвергаться даже артикуляционно более сильный смычный ɔ, что ярко иллюстрируется известным общерусским процессом преобразования адъективных окончаний *-его* (> *-eo*) > *-evo* и *-ого* (> *-oo*) > *-ovo*. В рассматриваемых нами случаях, кроме диерезы фрикативного ɣ, адаптация основы *Магур-* могла, по-видимому, иногда приводить и к появлению варианта *Махур-*: отсюда фиксации фамилии *Махурин* в Белгородской, Курской, Ивановской областях, а также *Махура* в Крыму и Восточной Украине (на общем фоне они, однако, довольно редки).

⁸ Для любознательного читателя: фамилии на *Маур-* часто встречаются на Урале и заметно реже — в Сибири; единичные фиксации есть и в других регионах России. Показательно, что на Урале и к востоку от него рассматриваемые фамилии «привязаны» в основном к крупным промышленным центрам — в отличие от более западных территорий, где многие носители фамилий на *Маур-* проживают в небольших городах и сельской местности.

больше нас интересует то, что южнорусский ареал, как показывает лингвогеографический анализ, не является некой «конечной точкой» бытования основ *Маур-/Магур-*, а плавно перетекает еще дальше на юг и юго-запад, на украинские земли.

2. Антропонимические основы *Маур-* и *Магур-* на территории Украины

Носителей интересующих нас фамилий на Украине обнаруживается достаточно много (более 200), причем абсолютное большинство онимов представлено либо типично украинскими структурными типами, либо недифференцированными украинско-белорусскими⁹. Сразу скажем, однако, что на белорусские земли антропонимический ареал *Маур-/Магур-* «не идет»: во всей Белоруссии отмечено лишь 20 соответствующих фамилий (8 на *Магур-* и 12 на *Маур-*), которые точно локализованы в Гомеле, Гродно и Минске и, скорее всего, принадлежат переселенцам с украинскими или русскими корнями. Почти нет фамилий этого типа и в граничащих с Белоруссией северных районах Украины (см. ниже карту 1).

Ряд фамилий на остальной территории Украины следующий: *Магур*, *Магура*, *Магуран*, *Магуренко*, *Магурин*, *Магуров*, *Магурский*, *Магурчак*, *Магуряк*, *Магурьян* / *Магуриан* — *Маур*, *Мауренко*, *Маурин*, *Мауров*. Количественное соотношение основ *Магур-* и *Маур-* отражено в таблице ниже (с учетом, по вполне понятным обстоятельствам, территории нынешней Республики Крым).

Количественное соотношение фамилий на *Магур-* и *Маур-* на территории Украины и Крыма

Субрегион	<i>Магур-</i>	<i>Маур-</i>
Восточная Украина (Донецкая, Днепропетровская, Запорожская, Луганская, Харьковская области)	50	7
Центральная Украина (Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Николаевская, Одесская, Полтавская, Сумская, Херсонская, Черкасская, Черниговская области)	92	14
Западная Украина (Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ровненская, Тернопольская, Хмельницкая, Черновицкая области)	86	1
Крым	8	2

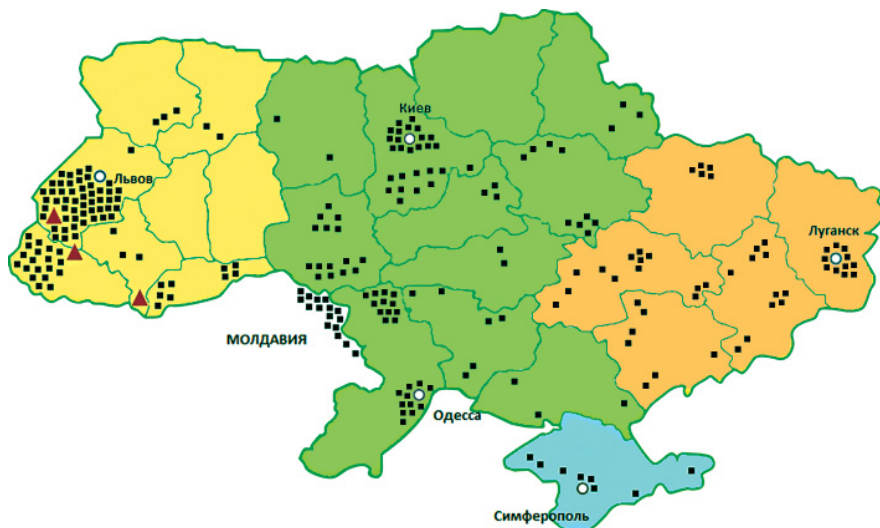
⁹ Согласно работе [Унбегаун, 1995, 201–244].

Данные этой небольшой таблицы показательны в нескольких отношениях.

Во-первых, колоссальное количественное превосходство украинских фамилий на *Магур-* (*Мауур-*) подтверждает высказанную выше мысль о первичности этой фонетической формы по отношению к *Маур-*. Во-вторых, согласно данным таблицы, наибольшая плотность фамилий на *Магур-* отмечается в Центральной и Западной Украине. Основа *Маур-* здесь настолько редка, что во всей Западной Украине (а это восемь областей) представлена лишь одним примером.

К цифрам таблицы добавим, что в Центральной и Восточной Украине ярко выражен структурный и географический параллелизм онимов на *Магур-* и *Маур-*: носители соответствующих фамилий нередко проживают в одном областном или районном центре: *Магуренко* — *Мауренко* (Сумы), *Магуров* — *Мауров* (Киев; Мариуполь), *Магурин* — *Маурин* (Днепродзержинск; Энергодар) и т. п. Это еще раз убеждает в изначальном тождестве основы.

Теперь, если совместить статистику с лингвистической картой (см. карту 1), мы увидим, что на территории Западной Украины наибольшей концентрации основа *Магур-* достигает в Львовской (49) и Закарпатской (19) областях. Кроме того, обнаруживается, что здесь, на юго-западе Украины, ареал основы *Магур-* не обрывается: он выходит за ее пределы — на соседнюю территорию Приднестровской Молдавии. Эта часть ареала также достаточно плотна: на узкой полоске молдавского Приднестровья отмечено 20 носителей фамилий на *Магур-*, проживающих почти исключительно в сельской местности, приблизительно равномерно от Тираспольского района до Рыбницкого.

Карта 1. Антропонимическая основа *Магур-* на территории Украины, Крыма и Приднестровской Молдавии

- — антропонимическая основа *Магур-*
- ▲ — оронимы *Магура*

Представленная лингвогеографическая картина говорит о том, что «эпицентром» распространения антропонимической основы *Магур*- на территории Украины был, скорее всего, ее крайний запад — украинское Прикарпатье, верховья Днестра, бывшая Галицко-Волынская земля.

Этническая история этого «кусочка» нынешней украинской земли очень сложна (венгерское, австрийское, польско-литовское влияние и др.), поэтому поиск возможных этимонов антропонимической основы *Магур*- был бы весьма трудной задачей, если бы не одно обстоятельство. Оно заключается в том, что на территории Украинских Карпат есть сразу три горные вершины под названием *Магура*:

1) гора *Магура-Лимнянская* (Турковский р-н Львовской обл.) — высота 1 022 м над уровнем моря; горная система — Украинские Карпаты, хребет — Верхнеднестровские Бескиды;

2) гора *Магура* (Надворнянский р-н Ивано-Франковской обл.) — высота 1 288 м над уровнем моря; горная система — Украинские Карпаты, хребет — Горганы;

3) гора *Магура-Жиде* (Межгорский р-н Закарпатской обл.); высота 1 517 м над уровнем моря; горная система — Украинские Карпаты, горный массив — Боржава.

Эти названия нанесены на карту с помощью знака ▲ и, как видно по карте, находятся в пределах или в непосредственной близости от наиболее плотной части «западного» ареала антропонимической основы *Магур*-. Тем самым закономерно возникает гипотеза о том, что в прошлом «магурами» (**магурянами*, **магуряками*, **магурцами* и др.) именовались жители соответствующих карпатских горных зон.

Это предположение хорошо согласуется с известным у многих народов именованием «горцы» — в противопоставлении жителям долин и равнин, что основано на существенных различиях образа жизни и менталитета первых и последних, ср. хотя бы рус. *горцы*, *кавказцы*.

Подобные обозначения не являются собственно этнонимами — это коллективные прозвища, за которыми может скрываться весьма пестрый этнический состав именуемого сообщества. Думается, так было и с той группой, которую мы условно назвали «магуры». Даже их чисто географическое положение — в нынешнем Закарпатье, где сходятся границы пяти государств (Украины, Польши, Словакии, Венгрии и Румынии) — говорит о том, что «магурское» население было этнически неоднородным. Вполне естественно и то, что при его миграциях на другие земли Украины вместе с переселенцами распространялось прозвище, обрастая с течением времени украинскими фамильными суффиксами.

Тем самым по результатам «украинской части» нашего исследования складывается иная, чем у Н. М. Шварева, гипотеза о происхождении антропонимической основы *Маур*-. Согласно этой гипотезе, первоначально основа имела фонетическую форму *Мауур*-, которая возникла на крайнем западе Украины, в области Украинских Карпат, и обозначала жителей местности близ трех одноименных

гор *Магура* (*Мауура*). Далее, в связи с переселениями карпатских жителей, антропонимическая основа *Мауур-* распространилась по остальной территории Украины, а затем и в пограничных южнорусских областях. Здесь в силу диерезы фрикативного [γ] у основы стал появляться вариант *Маур-*, который стал доминирующим при дальнейшем распространении имен на *Маур-* в центральные и северные русские земли.

Казалось бы, в этом месте можно «поставить точку», однако топонимические факты, найденные нами за пределами Украины, вносят в эту гипотезу некоторые коррективы, чему посвящен следующий параграф.

3. Загадка оронима *Магура*

Если выйти за пределы Украины на иное славянское пространство, то, кроме трех «украинских» гор *Магура*, мы найдем еще четыре одноименных оронима:

1) гора и горный массив *Магура Спишска* (высота 1 200 м над уровнем моря) — расположены в Центральных Карпатах, на территории области Спиш, в северо-восточной части Словакии; западные окраины гор *Магура Спишска* являются частью государственной границы с Польшей;

2) гора и горный массив *Магура Оравска* — часть горной системы Западные Бескиды; место расположения — северо-запад Словакии, районы Наместово, Тврдошин и Долни Кубин (Жилинский край);

3) пещера *Магура* — расположена на крайнем северо-западе Болгарии, недалеко от села Рабиша, близ города Видин;

4) гора *Маура* — этот ороним несколько неожиданно обнаруживается на Русском Севере: в Кирилловском районе Вологодской области, близ реки Шексны, в окрестностях знаменитого Кирилло-Белозерского монастыря.

Насколько нам известно, внимание российских исследователей привлекало только последнее название, причем рассматривалось оно, конечно, вне связи с территориально далекими оронимами *Магура*. В работе 1991 г. известный вологодский краевед и топонимист А. В. Кузнецов, исходя из данных о вепском прошлом Белозерья, связал название горы *Маура* с вепс. *та* ‘земля’, видя в оставшейся части *-ура* рефлекс детерминанта *-гора* [Кузнецов, 1991, 95]. Эту версию подверг справедливой критике Н. М. Шварев: «...кроме сомнительной трактовки детерминанта, она противоречит тому, что многие деревни с названием *Маурино* расположены вдалеке от ареала, где когда-либо жили вепсы или их предшественники — древняя весь» [Шварев, 2019, 72].

Несколько раньше А. В. Кузнецова загадку оронима *Маура* пытался решить востоковед Л. А. Леликов (1934–1988), который был настолько увлечен этой темой, что, согласно завещанию, его прах после кремации был развеян по склонам этой вологодской горы. Свою версию Л. А. Леликов изложил в последней прижизненной работе, которая была опубликована только в 1993 г. [Леликов, 1993]. Согласно

этой версии, ороним *Маура* стоит в одном ряду с многочисленными европейскими названиями гор на *Маур-* (*Maur-*): горы *Арренинг Маур* в Уэльсе (Великобритания), *Монмаур* в Альпах, *Маурберг* в Тироле (Австрия), *Монте Мауро* в Абруццах (Италия) и др. Опираясь на этот широкий ряд, Л. А. Леликов приходит к заключению о том, что «славяне вместе с другими центрально- и южно-европейскими народами унаследовали это <...> название от предыдущих эпох, у какого-то неизвестного народа. Таким народом, скорее всего, мог быть только один древнеевропейский этнос — венеты» [Леликов, 1993]. Буквальный смысл оронимов на *Маур-* Л. А. Леликов определяет как «Черная Гора», признавая при этом, что для вятичей (исторических наследников венетов), которые и дали вологодской горе название *Маура*, этот смысл уже был неясен, хотя они «помнили» данное имя и еще осознавали его «сакральность» [Там же].

Не будучи профессиональным топонимистом, Л. А. Леликов допускает в этих построениях существенную ошибку, совершенно игнорируя типологическую сторону вопроса. Если рассматриваемые им европейские оронимы на *Maur-* буквально означают «Черная Гора», что действительно очень вероятно, то названия этого простейшего семантического типа могли возникать в разных горных системах совершенно независимо друг от друга¹⁰ и, конечно, без всякого отношения к историческому пути «венетов» и далее вятичей — истоки названий этих гор скорее следует искать в тех (различных!) языках, где имелся апеллятив *taur-* с дифтонгическим гласным, соотносимый с др.-греч. ταυρος, лат. *taurus* ‘мавр’, ‘темный, черный’.

С исторических позиций критику версии Л. А. Леликова дал Н. М. Шварев [2019, 72]. Кроме того, приведенные Н. М. Шваревым материалы письменных источников XV–XVII вв. позволяют считать название вологодской горы *Маура* отантропонимическим, поскольку оно имеет исторический вариант *Маурины Горы*, а в ближайших окрестностях горы с давних времен жили носители патронимов *Маурин* и *Мауринов*: *Олеша и Гридя Маурины*, владельцы деревень (1492 г.) [АСВР, 2, 217, 218; Шварев, 2019, 80], *Скурат, Третьяк и Русин Маурины-Зайцевы*, вотчинники (1571 г.) и *Илья Михайлов сын Мауринов*, вотчинник (1699 г.) [Шумаков, 1900, 28, 61; Шварев, 2019, 81]¹¹.

Отметим, что в отличие от Карпат, где все горы под названием *Магура* имеют высоту более тысячи метров и тем самым деантропонимная модель их именования исключена, на Русском Севере с его слегка холмистым рельефом она как раз очень вероятна. На возвышенных местах основывались поселения, поэтому

¹⁰ Приводимые Л. А. Леликовым названия относятся к совершенно разным горным системам и разделены порой тысячами километров.

¹¹ *Маурины* и *Мауриновы* до сих пор живут в Вологодской области, в том числе в Кирилловском районе, а также в соседних — Череповецком и Вашкинском. Признавая отантропонимическую версию вполне вероятной, мы тем не менее допускаем и возможность того, что *Маура* — прецедентное название (см. заключительный раздел статьи).

подобными оронимами «пестрит» весь Русский Север, ср. хотя бы в Белозерском крае: *Ильина Гора, Кукина Гора, Матвеева Гора, Никонова Гора, Якунина Гора* и др. [ТК ТЭ].

Конечно, это не отменяет вопроса о происхождении восточноевропейских названий гор *Магура*. Учитывая близость одной из них — Магуры Спишской — к границам Польши, очень заманчиво видеть в составе названия *Магура* польский географический термин *góra* [gura] ‘гора’ — ср. польские оронимы *Babia Góra, Orlickie Góry, Stołowe Góry* и др. Казалось бы, эта версия поддерживается наличием в славянских языках древнего префикса **ma-*, однако пока неясны ни семантический спектр этого префикса, ни возможности его сочетаемости с теми или иными корнями, ни круг славянских языков, в которых префикс **ma-* был достаточно востребован. Так, в случае с праслав. **maklenъ* ‘дерево, похожее на клен’ начальное **ma-* трактуется как префикс с отрицательным значением («не-клен») [ЭССЯ, 17, 139]; в случае с рус. диал. *матёна* ‘неповоротливый, медлительный человек’ значение префикса *ма-* не формулируется [Петлева, 1996, 33]; зафиксированный В. И. Далем диалектный глагол *магóриться* ‘чваниться, бахвалиться’ (пск., твер.) [Даль, 2, 288], в котором также можно подозревать древний префикс **ma-*, пока никем не интерпретирован¹² и т. д.

Однако при всей своей привлекательности «польская» версия совершенно блекнет, если, не уходя далеко от Карпатской горной системы, выйти за пределы нынешнего славянского пространства и учесть данные по территории соседних Румынии и Молдавии, где интересующая нас оронимическая основа представлена гораздо шире, чем на Украине, в Словакии или Болгарии. Отражается она, правда, не в форме *Магур-*, а в форме *Мэгур-* (рум., молд. *Măgur-*): гласный первого слога здесь представляет собой звук, промежуточный между [а] и [э].

Опасаясь различных «подводных камней» на малознакомой нам территории, мы не проводили системного исследования молдавских и румынских фамилий с основой *Мэгур-* (*Măgur-*), хотя даже поверхностный поиск говорит о том, что такие фамилии есть: среди самых известных их носителей — футболист Александру Мэгуриян (Молдавия) и государственный деятель эпохи Чаушеску Вирджил Мэгурияну (Румыния). Однако топонимы с данной основой — а это без единого исключения о р о н и м ы или производные от них названия — мы приводим

¹² Слово *магориться* В. И. Даль сопровождает знаком вопроса. В словарной статье, кроме указанного значения с пометами «пск.», «твер.», отмечается нижегородское ‘кориться’, т. е., согласно В. И. Далю, ‘корить себя; виниться, смиряться, покоряться, признаваться, каяться’ [Даль, 2, 164]. Если слово *магориться* действительно существовало, то в любом из этих двух значений начальное *ма-* можно рассматривать как префикс с экспрессивной, «усилительной» семантикой. С другой стороны, в нем можно видеть и семантику отрицания: *магориться* ‘чваниться’, т. е. «не кориться», «не быть смиренным». Хотя, кажется, префиксальную версию ставит под вопрос нижегородское (без ударения) *магориться* ‘дарить’ (1850 г.) [СРНГ, 17, 290], которое возможно соотнести с рус. диал. *магарыч / могорыч* ‘угощение, выпивка при завершении сделки’ и *магарá* ‘подарок’, где *ма-* не может рассматриваться как префикс [см.: Фасмер, 2, 635].

настолько полно, насколько это оказалось возможным с опорой на доступные нам карты¹³:

1) *Мэгура* (молд. *Măgura*) — гора на границе Фалештского и Унгенского районов Молдавии; близ этой горы расположены села *Мэгура* (271 м над уровнем моря, Фалештский район) и *Мэгуреле* (158 м над уровнем моря, Унгенский р-н, близ границы с Румынией);

2) *Мэгура* (молд. *Măgura*) — гора в Сынжерейском районе Молдавии; близ горы, на высоте 115 м над уровнем моря, расположено село *Слобозия-Мэгура* (молд. *Slobozia-Măgura*);

3) *Мэгуреле* (рум. *Măgurele*) — город в Южной Румынии в составе жудеца¹⁴ Илфов, ныне пригород Бухареста;

4) *Мэгура* — горная деревня в Румынии, близ знаменитого замка Бран; жудец Брашов, Центральная Румыния.

5) *Турну-Мэгуреле* (рум. *Turnu-Măgurele*) — город в Румынии, в составе жудеца Телеорман; расположен в Южной Румынии, близ границы с Болгарией;

6) *Мэгуретул* — горная деревня в составе жудеца Сучава, Северо-Восточная Румыния.

При нанесении этих топонимов на карту становится ясно, что фиксации в Словакии и Болгарии — это «конечные точки» основного румыно-молдавского ареала (см. карту 2).

Как видно по карте, топонимы с основой *Магур-/Măgur-* образуют красивый ареал, фактически повторяющий уникальную дугообразную форму Карпат. Это, скорее всего, означает, что географический термин, отраженный в топонимах на *Магур-/Măgur-*, сформировался в пределах Карпатской горной системы, т. е. в языке какого-то из народов, которые издавна жили здесь. В то же время ареал данного типа, как это нередко делается в топонимастике, можно «читать» как дорогу от одной «конечной точки» до другой, прослеживая тем самым вероятный географический путь этноса, в языке которого было данное слово.

Кроме того, карта свидетельствует о том, что Украинские Карпаты могут являться не единственным местом, откуда на Украине начали свое распространение антропонимы на *Магур-*: вместе с носителями они могли попадать на Украину также из Молдавии и Северной Румынии. Соответственно, тем нашим соотечественникам, которые носят фамилию на *Маур-/Магур-* и интересуются ее происхождением, можно с достаточной уверенностью сказать, что в числе их далеких предков — тех, кого мы условно называли «магурами», — были карпатские жители:

¹³ Фактически этот ряд значительно шире: согласно Э. М. Мурзаеву (со ссылкой на исследования И. Сташевского), в Румынии насчитывается около сотни оронимов на *Măgur-* [Мурзаев, 1984, 357]. В нашем списке оказались самые известные из них.

¹⁴ *Жудец* — единица административно-территориального деления Румынии; приблизительно соответствует рус. *уезд, район*.

Карта 2. Топонимы с основой *Магур-/Măgur-* в Восточной Европе

- ▲ — топонимы с основой *Магур-/Măgur-*
- — столицы государств

предки нынешних украинцев, молдаван, румын. При этом очень вероятно, что в историческом формировании «магуров» участвовали и другие народы, жившие в Карпатах (см. заключительную часть следующего раздела).

Вместо заключения

Позволим себе кратко затронуть еще несколько вопросов, так или иначе связанных с рассматриваемой темой.

Первый из них — вопрос о «сакральности» вологодского оронима *Маура*, поставленный Л. А. Леликовым [1993] и ныне охотно оживляемый авторами всяческих популярных заметок. Подтверждением этой «сакральности» как будто являются отзывы туристов, характеризующих гору Мауру как «святое место», «место силы», место «с особой энергетикой» и т. п. При этом отношение туристов к горам *Магура / Măgura* на Украине, в Словакии, Молдавии и Румынии, кажется, лишено подобной сакрализации.

Говоря точнее, особое отношение к этим горам действительно есть, но оно связано главным образом с эмоциональными впечатлениями от того простора и той захватывающей красоты, которые открываются при подъеме на вершину. Как мы смогли уяснить из разноязычных материалов туристических форумов, именно эти впечатления побуждают любителей путешествий вновь и вновь возвращаться к излюбленным «магурским» горам. Чем же можно объяснить их «избранность»?

«Высокая, массивная, отдельно стоящая гора» — так определяет значение термина *магура* украинский географ, краевед и топонимист М. Т. Янко [1998, 218]. Согласно Э. М. Мурзаеву, *магура* — ‘высокая гора; выдающаяся вершина в цепи гор; одинокий высокий холм’ [Мурзаев, 1984, 357].

По всей вероятности, географический термин *магура* в карпатском ареале сформировался для обозначения горы особого типа. Это достаточно высокая, но при этом именно «массивная» гора, напоминающая холм, т. е. не скала, не пик, а гора — с широким основанием и некрутыми склонами, допускающими сравнительно безопасное и не особенно сложное восхождение на вершину. Соответственно, со всех «Магур» — с высоты более километра! — любому путнику, пожелавшему добраться сюда, открывается великолепный вид на окрестности (обзор при этом шире, чем, например, с любого небоскреба нашей планеты или с самолета, выбрасывающего парашютный десант). Эту особенность в рассказе «Магурская зимняя быль» (1907 г.) замечательно выразил писатель Я. Гашек, побывавший на Магуре Спишской:

Дали очистились, вся польская сторона четко открывалась глазу: на Ломницком плато светились льды и снега, а мадьярская сторона под ним видна была как на ладони. Деревня Подлехнице казалась отсюда, с голых вершин, такой близкой, что, глядя на катившийся вниз камень, думалось: «Ой, как бы он не высадил стекла в окне достойного учителя подлехницких детей и взрослых, пана Ежиньского, который, отчаянно скучая здесь, в горах, от недостатка развлечений попивает сливовицу и вздыхает: «Что за жизнь!...»

Ну а в действительности камню в этом случае пришлось бы пролететь пятнадцать километров, перескочить лес, потом другой лес... Ведь пять подлехницких холмов под нами — это стометровые ступени гигантской лестницы.

А широкий простор открывается глазу в студеный денек — необозримый простор!.. Видишь, как беловатой канавкой поблескивает Попрад, и можешь проследить глазами русло этой быстрой речки, пока не затеряется оно меж дальних скал [Гашек. рф>1907/magurskaya-zimnyaya-byl].

Думается, подобными ощущениями привлекает людей и вологодская гора Маура, которая выше всех окрестных гор. «Сакральностью» же, основанной на этих ощущениях, ее с готовностью наделило православное воображение — безусловно, значительную роль сыграли в этом территориальная близость Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей и местные легенды о житии их основателей, нашедших здесь после явления Кириллу Белозерскому самой Богородицы место спасения.

Второй вопрос, которого мы считаем важным коснуться, — это вопрос о времени миграций, приведших к появлению онимов на *Маур*- в пределах России. В связи с этим очень любопытно, что в русских исторических документах личные имена **Маур* или **Маура* не засвидетельствованы: начиная с самой первой фиксации (*Маурин Михаил Акимович* (Углич, середина XV в.) [Веселовский, 1974, 195]),

мы находим их лишь в составе патронимов. Конечно, это можно связывать с объективной неполнотой источников по исторической ономастике. Однако можно предполагать и то, что миграция «магуров» на украинские и далее русские земли была довольно ранней (не позднее XIII в.), при этом достаточно массовой и, если можно так выразиться, «быстрой». При высокой скорости миграции, как нам кажется, название вологодской горы *Маура* допустимо считать прецедентным, поскольку мигранты, хотя бы на уровне преданий, могли еще помнить топонимию своей исторической родины¹⁵. На вероятную прецедентность оронима указывает и то, что при наличии исторического варианта *Маурины Горы* название все же закрепилось в форме *Маура*, что в общем нетипично для русских отантропонимических топонимов. Возможно, в речи местного населения вариант *Маура* был все-таки основным.

Наконец, самый захватывающий, но, кажется, самый «безнадежный» вопрос: в языке какого народа возник географический термин **magura*? Пока ясно только то, что он наиболее частотен в топонимии нынешней Румынии, но из этого необязательно следует, что по происхождению этот термин является собственно румынским, особенно если учесть, что территория Румынии в течение многих веков была поистине кипящим этническим «котлом».

В зарубежной науке на этот счет есть разные, далеко расходящиеся мнения. Так, М. Т. Янко квалифицирует географический термин *магура* как румынский [Янко, 1998, 218], а немецкий лингвист И. Хубшмит возводит его к доиндоевропейскому балканскому **magūla*, которое перешло в славянские языки как субстратное слово и нашло продолжение также в лексемах *могила*, *могыла* и др. в значениях ‘холм’, ‘отдельная гора’, ‘сопка’, ‘курган’; румынскую форму *măgûră* И. Хубшмит, как и М. Фасмер, считает заимствованной из славянских языков¹⁶ [Хубшмит, 1969, 243; Фасмер, 2, 634; см. также: Мурзаев, 1984, 371–372].

Последняя гипотеза, безусловно, интересна, однако если романские формы типа *măgûră* восходят к славянским, то не мог ли исходный термин возникнуть позднее, уже в «постиндоевропейскую» эпоху, в тех славянских языках Балкан, где одновременно имелись продолжения индоевропейских корней **mē-*, **mō-* ‘большой, великий’ и **g^wer-*, **g^wor-* ‘гора’ [IEW, s. v., № 1233, 720]?

¹⁵ Время от времени в среде историков и археологов обсуждается вопрос о вторичности ряда топонимов древней Северо-Восточной Руси по отношению к топонимам Южной Руси. Особенно часто это предполагается для названий поселений и рек (*Владимир*, *Звенигород*, *Ирпень*, *Лыбедь*, *Переяславль*, *Трубеж*, *Юрьев*) [см.: Толочко, 2015, 24]; прецедентные оронимы, насколько нам известно, в этом ряду пока не упоминались.

¹⁶ Преобразование финали *-ula > -ura* И. Хубшмит объясняет действием аналогии: именно так адаптировались в румынском языке латинские слова на *-ula* [Хубшмит, 1969, 243].

Источники

- АСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. : в 3 т. / отв. ред. Л. В. Черепнин. М. : Изд-во АН СССР, 1952–1964.
- Веселовский С. Б. Ономастикон. М. : Наука, 1974.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1989–1991.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М. : Мысль, 1984.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965.
- ТК ТЭ — топонимическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Шумаков С. Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 2 : Тексты и обзор Белозерских актов (1395–1758 гг.). М. : Унив. тип., 1900.

Исследования

- Кабинина Н. В. Антропонимы финно-угорского происхождения в топонимии Архангельского Поморья // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 123–134.
- Кузнецов А. В. Язык земли Вологодской. Очерки топонимики. Архангельск : Сев.-зап. кн. изд-во, 1991.
- Леликов Л. А. Загадка горы Мауры // Памятники Отечества. 1993. № 30. С. 188–191.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. 4 : Топонимия мерянского типа. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.
- Никонов В. А. География фамилий. М. : Наука, 1988.
- Никонов В. А. Словарь русских фамилий / сост. Е. Л. Крушельницкий. М. : Школа-пресс, 1993.
- Петлева И. П. Архаические префиксы в русских говорах // Этимологические исследования. Вып. 6 : материалы I–II науч. совещаний по диалектной этимологии (10–12 октября 1991 г. ; 17–19 апреля 1996 г.) / отв. ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. С. 31–38.
- Татищев В. Н. Собрание сочинений / в 8 т. М. ; Л. : Наука, 1962–1979.
- Толочко П. П. Из Киевского Поднепровья в Суздальское ополье (конец XI — 40-е годы XIII в.) // Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура : к 60-летию Н. А. Макарова / отв. ред. П. Г. Гайдуков. М. ; Вологда : Древности Севера, 2015. С. 24–35.
- Унбегаун Б. О. Русские фамилии. 2-е изд., испр. / общ. ред. и послесл. Б. А. Успенского. М. : Прогресс, 1995.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. СПб. : Терра — Азбука, 1996.
- Хубимит И. Дославянские и дороманские этимологии // Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии : материалы междунар. симпозиума (24–31 января 1967 г.) / отв. ред. О. Н. Трубачев. М. : Наука, 1969. С. 236–251.
- Шварев Н. М. Русские имена собственные с основой *Маур-* — памятники, восходящие к эпохе древней Ростовской земли // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 1. С. 71–103. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.1.005
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.
- Янко М. Т. Топонімічний словник України : словник-довідник. Київ : Знання, 1998.
- IEW — *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. 2 Bde. Bern : Francke, 1959–1969.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–1995.

Рукопись поступила в редакцию 14.06.2020

СОКРАЩЕНИЯ

вепс.	вепсский язык	пск.	псковские говоры русского языка
праслав.	праславянский язык	твер.	тверские говоры русского языка

* * *

Кабинина Надежда Владимировна
 доктор филологических наук, профессор
 кафедры русского языка, общего
 языкознания и речевой коммуникации
 Уральский федеральный университет
 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51,
 комн. 306
 E-mail: nadia.nvlad2010@yandex.ru

Kabinina, Nadezhda Vladimirovna
 DrHab, Professor, Department of Russian
 Language, General Linguistics and Verbal
 Communication
 Ural Federal University
 51, Lenin Ave., office 306,
 620000 Ekaterinburg, Russia
 Email: nadia.nvlad2010@yandex.ru
 ORCID: 0000-0001-8855-4507

Nadezhda V. Kabinina

Ural Federal University
 Ekaterinburg, Russia

TO THE ORIGINS OF RUSSIAN SURNAMES WITH THE STEM *MAUR-*

The paper delves into the etymology of East Slavic (including Russian) surnames with the stem *Maur-* (*Maur*, *Maurenko*, *Maurin*, *Maurinov*, *Maurov*, *Maurtsev*, etc.). The author shows that these can neither go back to the female calendar name *Mavra*, as popular Internet sources suggest, nor refer to a female deity from the legendary Merya pantheon, as the first serious researcher of the issue, Nikolay Shvarev, has proposed. Based on linguo-geographic data, the article substantiates another hypothesis that *Maur-* is an adapted version of the original Ukrainian stem *Magur-*, originally pronounced as [maɣur-] in the territories where the standard [g] is substituted with a velar fricative [ɣ] (the so-called “*gekanie*”). Thus, the variant stem *Maur-* in these surnames appeared in the central and northern Old Russian lands due to the articulatory weakening of [ɣ]. Historically, this builds on the fact that in the Old Russian period the population of the present Ukrainian lands repeatedly migrated far to the east, to modern Central Russia, fleeing from the Polovtsian raids, the Mongol invasion, famine, and political instability. Analysing the picture of the Ukrainian *Magur-* surnames distribution leads the author to conclude that these originally arose in the extreme west of Ukraine, on the territory of the Ukrainian Carpathians, where three mountain peaks called *Magura* are located. It is quite natural that over time, the oronym-based nicknames of the Carpathian inhabitants have developed East Slavic patronymic suffixes (*Magurenko*, *Maguryak*, etc.). At the same time, it is possible that some people with nicknames containing the stem *Magur-* could have been immigrants from Northern Romania and Moldavia, also featuring several mountainous regions called *Măgură*.

Key words: Russian surnames, Ukrainian surnames, ancient Rostov land, historical Meryan lands, Southern Russia, Eastern Europe, place names, precedent names.

Acknowledgements

The research was supported by the *Russian Science Foundation* (grant number 20-18-00223 “Etymological Studies and Semantic Reconstruction of Russian Dialect Vocabulary”).

- Hubshmit, I. (1969). Doslavianskie i doromanske etimologii [Pre-Slavic and pre-Romance Etymologies]. In O. N. Trubachev (Ed.), *Problemy slavianskikh etimologicheskikh issledovaniy v svyazi s obshchei problematikoï sovremennoi etimologii* [Problems of Slavic Etymological Research in the General Framework of Modern Etymology] (pp. 236–251). Moscow: Nauka.
- Itkonen, E., & Kulonen, U.-M. (Eds.). (1992–1995). *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja* [The Origin of Finnish Words. Etymological Dictionary] (Vols. 1–3). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Kabinina, N. V. (2012). Antroponimy finno-ugorskogo proiskhozhdeniia v toponimii Arkhangel'skogo Pomor'ia [Anthroponyms of Finno-Ugric Origin in the Toponymy of Arkhangelsk Pomorye]. In M. E. Ruth (Ed.), *Iazyk i proshloe naroda* [Language and the Past of the People] (pp. 123–134). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Kuznetsov, A. V. (1991). *Iazyk zemli Vologodskoi. Ocherki toponimiki* [The Language of the Vologda Land. Essays on Toponymy]. Arkhangelsk: Sev.-zap. kn. izd-vo.
- Lelikov, L. A. (1993). Zagadka gory Maury [The Maury Mountain Mystery]. *Pamiatniki Otechestva*, 30, 188–191.
- Matveyev, A. K. (2015). *Substratnaia toponimiia Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of the Russian North] (Vol. 4). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Nikonov, V. A. (1988). *Geografiia familii* [Surname Geography]. Moscow: Nauka.
- Nikonov, V. A. (1993). *Slovar' russkikh familii* [Dictionary of Russian Surnames]. Moscow: Shkola-press.
- Petleva, I. P. (1996). Arkhaicheskie prefiksy v russkikh govorakh [Archaic Prefixes in Russian Dialects]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* [Etymological Research] (Iss. 6, pp. 31–38). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Pokorny, J. (1959–1969). *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch* (Vols. 1–2). Bern: Francke.
- Shvarev, N. M. (2019). Russkie imena sobstvennye s osnovoi *Maur-* — pamiatniki, voskhodiashchie k epokhe drevnei Rostovskoi zemli [Russian Names with the Stem *Maur-*, Testimonies of the Old Rostov Land]. *Voprosy onomastiki*, 16(1), 71–103. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.1.005
- Tolochko, P. P. (2015). Iz Kievskogo Podneprov'ia v Suzdal'skoe opol'e (konets XI — 40-e gody XIII v.) [From the Kiev Dnieper Region to the Suzdal Land (from the late 11th century to the 1240s)]. In P. G. Gaidukov (Ed.), *Goroda i vesi srednevekovoi Rusi: Arkheologiia, istoriia, kul'tura* [Cities and Villages of Medieval Russia: Archaeology, History, Culture] (pp. 24–35). Moscow; Vologda: Drevnosti Severa.
- Trubachev, O. N., & Zhuravlev, A. F. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund] (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Unbegaun, B. O. (1995). *Russkie familii* [Russian Surnames] (2nd ed.). Moscow: Progress.
- Vasmer, M. (1996). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). St Petersburg: Terra — Azbuka.
- Yanko, M. T. (1998). *Toponimichnii slovník Ukraïni: slovník-dovidník* [Toponymic Dictionary of Ukraine: A Reference Book]. Kyiv: Znannia.

Received on 14 June 2020